

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 94(4):323.11

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ВОПРОС В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В КАЗАХСТАНЕ В 1920-Е ГОДЫ

С. Ш. Казиев

Северо-Казахстанский государственный университет имени М. Козыбаева, Казахстан, 150000, Петропавловск, ул. Пушкина, 86
sattarkaz@mail.ru

Рассмотрен переселенческий аспект национальной политики Советского государства в Казахстане в 1920-е гг. Переселенческая проблема была тесно связана с решением национального вопроса в Казахстане, предполагавшим фактическое и юридическое равенство народов. В первой половине 1920-х гг. были сделаны максимальные уступки национальным меньшинствам, а Казахстан был закрыт для переселенцев. На практике это привело к межэтнической напряженности и подрыву доверия к Советскому государству со стороны переселенцев. Во второй половине 1920-х гг. прежняя национальная политика подверглась ревизии, что вызвало протест национал-коммунистов. В результате чисток управленческого аппарата в конце 1920-х гг. Казахстан был снова открыт для переселения.

Ключевые слова: переселенческая политика, крестьяне, казахи, национал-коммунизм, национал-уклонизм.

В национальной политике современных государств регулирование миграционных процессов занимает важное место. Неконтролируемый приток мигрантов потенциально может нести угрозу конфликта интересов и культурных установок пришлого и коренного населения. В то же время разумная политика по адаптации переселенцев в новой среде, бережный учет интересов коренного населения открывает возможности культурного взаимообогащения и налаживания доверительных отношений между представителями разных этнических коллективов. В этой связи представляет интерес рассмотрение переселенческого аспекта национальной политики в Казахстане, превратившемся на рубеже XIX и XX вв. в один из наиболее полиэтничных и конфликтных регионов Российской империи.

В исторической науке отдельными аспектами решения национального вопроса и изменением подходов к переселенческой политике Советского государства занимались Г.Ф. Дахшлейгер, С.З. Зиманов, А.П. Кучкин, К. Нурпеисов, Н.И. Платунов, Е.Б. Сыдыков и др. В зарубежной науке следует выделить фундаментальную работу М.Б. Олкотт «Казахи». Американская исследовательница скрупулезно проанализировала возникновение в Казахстане национального вопроса в начале XX в., связав это явление с началом столыпинской аграрной реформы и широкомасштабным крестьянским переселением за Урал [Olcott, 1995, p. 83–95].

Обострение национального вопроса на рубеже XIX и XX вв. на территории современного Казахстана было непосредственно связано с социально-экономическими и культурными сдвигами, происходившими внутри казахского общества в связи с широкомасштабным переселением крестьян из европейской части страны, стимулировавшим кризис кочевого хозяйства, разложение родовых связей и усиление социальной дифференциации. Миграции крестьян и социальные перемены, болезненные для большинства кочевников, порождали множество конфликтов между кочевыми и переселенческими общинами. Страдавшие от земельных изъятий кочевники в массе стали враждебно относиться к имперской администрации.

Великий неудержимый крестьянский «разлив» конца XIX – начала XX в. вынуждал государство регулировать и поддерживать переселенческую политику. Т. фон Лауэ, ссылаясь на дореволюционные труды ученых-аграриев П. Лохтина и И. Озерова, указывает на перенаселенность европейской части России и малую товарность крестьянского хозяйства. На одинаковой площади земли хозяйство немецкого крестьянина давало вдвое больше продуктов, а хозяйство бельгийского фермера – в четыре раза больше, чем домохозяйство российских крестьян [Laue, 1964, p. 33]. С учетом

продолжающегося демографического «давления» в европейской части страны перенаправление крестьянской миграции на восток от Урала было вынужденной мерой.

Реформы П.А. Столыпина подстегнули переселение русских и украинских крестьян в Казахстан. К 1904 г. стало очевидно, что прежние «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли» 1881 г. и переселенческий закон 1889 г., упорядочивавшие процесс переселения преимущественно малоземельных и малоимущих крестьян и ставившие заслоны на пути самовольного вселения, не выполнили своей роли. Доля «самовольщиков», переселившихся за Урал в начале 1890-х гг., составляла от 60 до 85 % всех переселенцев. С 1893 г. всем переселенцам стала оказываться материальная помощь для переезда и обустройства на новом месте. В 1904 г. был издан новый закон, поощрявший крестьянское переселение в азиатскую часть Российской империи. В районах-реципиентах крестьянской миграции в конфликт с поддерживающим колонизацию государством и переселенцами втягивалось местное население.

Переселенческой политике царизма и изменению этнического состава населения посвящен широкий круг исследований, включая дореволюционные. Они позволяют представить масштаб изменений, происходивших на территории Казахстана на рубеже XIX и XX вв. В течение 15 предвоенных лет по данным М.Н. Турсунбаева на территорию Казахстана прибыли 1234 тыс. переселенцев. По данным видного казахстанского демографа Н.В. Алексеенко численность переселенцев, осевших на территории Казахстана между 1870 и 1906 г., достигала 521 тыс. человек, за 9 предвоенных лет проведения столыпинской аграрной реформы – 714,4 тыс. человек [Алексеенко, Алексеенко, 1999, с. 27]. Общая численность крестьян-переселенцев, прибывших в Казахстан с 1870 по 1914 г., составила 1434,4 тыс. человек [Алексеенко, Алексеенко, 1999, с. 17–27]. Ядро русского старожильческого населения составляли казаки. По расчетам Н.В. Алексеенко с 1870 по 1914 г. численность уральских казаков выросла с 84,2 тыс. до 161,6 тыс. человек, численность сибирских казаков – с 86 тыс. до 169,9 тыс., семиреченских казаков – с 33757 до 54350 человек [Алексеенко, 1981, с. 64; Алексеенко, Алексеенко, 1999, с. 17–27]. Общая численность казачьего населения стабильно росла и достигла более 385 тыс. человек в 1914 г.

Крестьянская миграция привела к кардинальному изменению этнического состава населения. Если первая всеобщая перепись населения Российской империи (1897 г.) фиксирует абсолютное преобладание казахского населения, то к 1914 г. ситуация меняется, хотя численность казахов в составе России постоянно росла с 2596 тыс. человек в 1870 г., 3311 тыс. в 1897 г. до 3845 тыс. в 1914 г. Причем 89,3 % их проживали в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Тургайской и Уральской областях.

Лучшие представители русской интеллигенции и имперской администрации осознавали необходимость неотложного решения «инородческого вопроса». Их позицию выразил Ядринцев, указывавший на то, что «"инородческий вопрос" в Сибири требует решения следующих задач: 1) предупреждение "вымирания" инородцев; 2) обеспечение их экономического выживания и культурного развития; 3) введения гражданского "полноправия" и законодательное их обеспечение; 4) обеспечение духовного развития и просвещения» [Ядринцев, 1892, с. 150]. Несмотря на понимание и сочувствие, национальный вопрос не мог быть решен в рамках охранительной политики имперских властей на окраинах.

Победившие в Гражданской войне большевики не могли игнорировать переселенческую проблему, порождавшую постоянные межэтнические конфликты по поводу землеустройства. Стратегическими целями национальной политики того времени были достижение фактического равенства народов и завоевание доверия национальных меньшинств страны. М.Н. Губогло обращает внимание на решение X съезда РКП (б), в котором ставилась проблема завоевания доверия трудящихся разных наций как важная составляющая национальной политики [Губогло, 2014, с. 7–8]. Стратегические цели национальной политики были определены на XII съезде партии в 1923 г., на котором широко обсуждались межнациональные проблемы. На съезде была поставлена задача фактического выравнивания уровней развития народов и преодоления их хозяйственного, культурного и политического неравенства [КПСС в резолюциях..., 1983, с. 86]. Решения X и XII съездов партии определили общую направленность национальной политики Советского государства, предполагавшей компромиссы с национальными элитами. Дж. Смит считает, что 1920-е гг. были временем максимального учета Москвой интересов национальных меньшинств и высокого уровня полномочий республиканских властей [Смит, 2005, с. 317–318].

Решение национального вопроса в Центральной Азии затруднялось конфликтами на «почве» землеустройства между коренным и пришлым населением. Создав национальные республики, большевики обязаны были урегулировать этот вопрос путем уступок. На Учредительном съезде Советов КАССР в октябре 1920 г. была принята Декларация прав трудящихся Киргизской АССР, в которой провозглашалось: «Положить в основу земельной политики в КАССР обеспечение интересов киргизской и крестьянской бедноты, в особенности групп киргизских трудящихся масс, кои были ограблены царским правительством и российской буржуазией» [Образование Казахской АССР..., 1957, с. 271]. На Первой областной партконференции РКП(б) (июнь 1921 г.) были одобрены решения Учредительного съезда Советов КАССР и перед низовыми партийными организациями была поставлена цель «сравнять в экономическом отношении русских и киргиз... энергично поведя борьбу с захватами земель, предоставить оседающим киргизам оставшийся свободным переселенческий фонд и неиспользованные оброчные земли» [Социалистическое строительство в Казахстане..., 1962, с. 279–284]. Цель большевиков в Казахстане в начале 1920-х гг. заключалась в сглаживании противоречий между казахами и русскими.

В числе главных мероприятий предполагалось возвращение казахскому населению ранее изъятых земель. На основе декретов от 2 февраля и 19 апреля 1921 г. казахским крестьянам возвращались свободные земли, не освоенные переселенцами до февраля 1921 г. в Акмолинской, Кустанайской, Тургайской, Семипалатинской и Уральской губерниях. Казахскому населению возвращались земли, сданные в долгосрочную аренду дворянам, капиталистам и монастырям, а также земли, переданные имперскими властями в вечное пользование за службу Сибирскому и Уральскому казачьим войскам. Казахскому населению были возвращены земли десятиверстной полосы вдоль Иртыша, Урала и Пресногорьковской линии, земли, отмежеванные для размещения переселенцев, а также монастырские земли. Переселенцам оставлялись участки в размере трудового надела, пришлые земледельцы уравнивались в наделении землей с русскими крестьянами.

Объективную оценку перераспределения земельного фонда дали Г.Ф. Дахшлейгер и К.И. Нурпеисов, полагающие, что главным достижением этих лет было установление фактического равноправия казахского населения в сфере землепользования: «Земельные реформы 1921–1922 гг. не разрешили и не ставили цель до конца разрешить аграрный вопрос в Казахстане.... Но сам факт возвращения земель казахским трудящимся и уравнивание на деле в земле и водопользовании трудящихся аула и деревни имели большое экономическое и политическое значение» [Дахшлейгер, Нурпеисов, 1985, с. 118]. По мнению Е.Б. Сыдыкова, в политике возвращения казахских земель и в запрете крестьянского переселения был мощный социально-психологический подтекст: «Акт восстановления попорченной справедливости, территориальная реституция, во многом нейтрализовала бы собой последствия колониальной политики царизма... и могла бы превратить казахов-кочевников из надежных подданных в искренних неопитов режима» [Сыдыков, 1998, с. 208]. Стремление добиться фактического равноправия народов в ходе земельно-водной реформы порождало обратное неравенство некоренного населения, вполне сравнимое с неравенством так называемых «плененных» народов при царизме.

Следует отметить, что между земельной политикой царизма и земельно-водной реформой большевиков в Центральной Азии имелись принципиальные различия, прежде всего в методах проведения и конечных целях. Переселенческая политика царизма велась более трех десятилетий и в ее активной фазе способствовала депривации казахского аула. Целью переселенческой политики царизма было разрешение проблемы аграрного перенаселения в европейской части страны за счет демографической русификации окраин. Землеустроительная кампания Советской власти, предполагавшая преференции для казахской бедноты, продлилась пять лет, с 1921 по 1926 г. В отличие от аграрных реформ националистов-демократов второй половины XX в. в странах освободившегося Востока земельно-водная реформа Советского государства не была направлена на уничтожение переселенческого хозяйства, изгнание «колонизаторского» населения и этническую сегрегацию. Ее целями были ликвидация фактического и юридического неравенства, создание условий для интеграции на основе классовой солидарности и межэтнического доверия.

С 1923 г. «национал-коммунисты» постарались блокировать дальнейшее аграрное переселение русского населения из европейской части страны, опасаясь изменения национального состава населения и снижения доли титульного этноса. С конца 1923 г. землеустройство стало осуществляться исключительно в пользу казахского населения, о чем было открыто заявлено краевым руко-

водством [Сборник важнейших решений Казкрайкома..., 1927, с. 255]. С целью сохранить национальный состав населения и не допустить конфликтов было ужесточено отношение к переселению и землеустройству крестьян. Решением V Всеказахского съезда Советов от 19 апреля 1925 г. было запрещено самовольное переселение в Казахстан. Все прибывшие после 31 августа 1922 г. переселенцы исключались из порядка землеустройства. V Всеказахская партийная конференция одобрила февральскую резолюцию краевого руководства. Решениями высшего советского и партийного органов республики была установлена следующая очередность землеустройства: после первоочередного наделения землей казахов земельные наделы могли получить переселенцы, прибывшие в край до 1918 г.; вторая очередь состояла из самовольных переселенцев, прибывших до 31 августа 1922 г.; в последнюю очередь на земельный надел могли рассчитывать самовольные переселенцы, прибывшие между 31 августа 1922 г. и 7 августа 1924 г. [Сборник важнейших решений Казкрайкома..., 1927, с. 311]. Нарком земледелия Джандосов объявил о первоочередности удовлетворения сельскохозяйственных запросов казахского населения [Джандосов, 1999, с. 3].

Землеустроительная политика краевого руководства значительно усложнила межэтнические отношения и привела к многочисленным конфликтам. В 1925 г. произошли сотни конфликтов из-за земли между казахским и русским населением, участились случаи самовольного погрома посевов и насильственного сгона крестьян с земли. Казахское население зачастую использовало против русских крестьян те же приемы, какие использовались переселенцами против кочевых общин в дореволюционный период.

Практика землеустройства, как считали московские исследователи колонизации в 1926 г., в большинстве областей приобрела характер похода против европейского населения. Статистики писали о резком (на 14 %) сокращении числа всех хозяйств по территории республики. Больше всего уменьшилось количество хозяйств в Кустанайской (на 26,2 %) и Джетысуйской (на 22,3 %) губерниях. Статистики полагали, что русское и украинское население края сократилось в результате земельной политики местного руководства на 700 тыс. человек [Ямзин, Воицинин, 1926, с. 11–12]. Вероятно, работниками союзных статистических органов были включены в данные цифры по оттоку русско-украинского населения в 1920–1922 гг., когда русское население края сократилось на 500 тыс. человек [Мартин, 2011, с. 88–89]. Казахские коммунисты на съезде «Кошчи» Джетысуйской области 26 июня 1923 г. отрицали «выдавливание» русских крестьян, объясняя их выезд тем, что «земельная политика соввласти в Джетысу урезала и решительно ограничила возможность захватнической и хищнической эксплуатации земли со стороны кого бы то ни было, и особенно со стороны переселенческого крестьянства, которое привыкло строить свое хозяйственное благополучие именно на этом способе хозяйствования» [Джандосов, 1999, с. 197].

Обострение межэтнических конфликтов не входило в планы союзного руководства, после отхода от власти Ленина усилившего давление на «национал-коммунистов». Усиление централизаторских тенденций обычно связывают с личностью Сталина, не скрывавшего после разгрома в 1923 г. «султан-галеевщины» подозрительного отношения к этнонационалистским проектам местных коммунистических элит. С середины 1920-х гг. союзный центр постепенно лишает местные центры власти относительной свободы в контроле над республиками.

В Казахстане «смена вех» советской национальной политики ассоциируется с личностью Ф.И. Голощекина. Внесение корректив в переселенческую политику столкнуло Голощекина и его приверженцев, ориентировавшихся на сталинский централизм, с казахскими «национал-коммунистами», которые выступали за осторожную социальную и экономическую политику, считая ненужным и опасным разжигание классовой войны в казахском ауле. Конфликт между Голощекиным и «национал-коммунистами» вылился в открытую форму в сентябре 1926 г., когда на закрытом заседании члены Президиума Казкрайкома С. Садвокасов и Ж. Мунбаев подвергли критике Голощекина, обвинив его в диктаторстве и угнетении национальных кадров [РГАСПИ. Ф. 17, оп. 25, ед.хр. 3, л. 58–61]. «Национал-коммунисты» отвергали обвинения их в национализме и выдвижении лозунга «Казахстан для казахов». С. Садвокасов в первом номере журнала «Большевик» за 1928 г. писал: «Ни один благоразумный национал, тем более коммунист, не выкидывает и не выкидывал лозунга Казахстан для казахов». С. Садвокасов предлагал первоочередное землеустройство не только казахского населения, но и крестьян-старожилов, которых он относил к коренному населению республики [Садвокасов, 1928, с. 61–64].

Садвокасов на заседаниях Казкрайкома решительно выступал против планов разжигания

классовой войны в казахском ауле и конфискации байских хозяйств, являвшихся экономическим ядром этого аула. Садвокасов критиковал положение о необходимости «Октября в ауле», указывая на то, что «Октябрь – это гражданская война, а партия за гражданский мир». По его мнению, роль бая в ауле резко отличается от роли кулака в деревне, так как беднота не только зависит от байства экономически, но и связана с ними бытовыми и родственными отношениями. Садвокасов сомневался в успехе натравливания казахской бедноты на своих богатых сородичей, сравнивая эту ситуацию с положением в русской деревне, прошедшей комбеды и продразверстку [РГАСПИ. Ф. 17, оп. 25, ед.хр. 178, л. 16–24]. Голощекин же и его окружение навесили на Садвокасова, Мунбаева и других «национал-коммунистов» ярлыки ярых «националистов», «защитников байства и Алаш-Орды».

«Национал-коммунисты» были поддержаны в Москве антисталинской оппозицией. С критикой гонений на «национал-коммунистов» в республиках выступал и Троцкий. В 1927–1928 гг. казахские «правые» продолжали безнадежную борьбу, стремясь к установлению справедливости. Небольшая делегация «национал-коммунистов» в начале 1927 г. посетила в Москве Троцкого, написавшего письмо Сокольникову. Однако проблемы, поднятые казахскими делегатами, не были устранены. Связи национал-коммунистов с антисталинской оппозицией стали поводом для гонений и последовавшей затем расправы уже в ходе Большого террора [Olcott, 1995, p. 213–214].

Острая дискуссия по вопросам дальнейшего социально-экономического развития республики развернулась в 1927–1928 гг. 8 февраля 1927 г. Президиум ВЦИК РСФСР уравнивал в правах на землепользование казахское население и крестьян-переселенцев [ГАРФ. Ф. Р-1235, оп. 43, ед.хр. 61, л. 1–2]. Однако краевое партийное руководство отказалось выполнять решение высшего органа власти. Казахские коммунисты опасались, что отмена запрета на землеустройство переселенцев откроет Казахстан для новой волны переселения русских. Выведение Оренбуржья из состава республики в 1925 г. под предлогом преобладания русского населения создало прецедент для дальнейших территориальных изъятий и вызвало тревогу у казахских руководителей.

8 июля 1928 г. Бюро Казкрайкома ВКП(б) опротестовало решение ВЦИК РСФСР и, отвергнув проект Голощекина, предлагавшего уравнивать все национальности в праве на наделение землей, подтвердило первоочередное право казахского населения на землеустройство за счет государства [РГАСПИ. Ф. 17, оп. 25, ед.хр. 10, л. 111]. Союзный центр жестко отреагировал на столь откровенный вызов со стороны местных центров власти и национал-коммунистов, открыто проигнорировавших требования партийной дисциплины. В ноябре 1927 г. состоялась VI Всеказахская конференция ВКП(б), посвященная межнациональным отношениям в республике. Представитель ЦК партии Андреев, выступив с докладом о борьбе с антипартийной оппозицией в стране, обрушился с разгромной критикой на членов Бюро Казкрайкома партии Садвокасова, Мунбаева и Султанбекова, обвинив их в национальном уклоне. Андреев потребовал от казахских большевиков классового подхода и прекращения дискриминации русского населения. В ответ Ж. Мунбаев заметил: «Мы семь лет терпим угнетение. Дальше терпеть этого не можем. Дайте нам самим управлять страной» [Кучкин, 1962, с. 171]. Андреев допустил критику и в адрес Голощекина, упрекнув его в попустительстве националистам в вопросах землеустройства. Голощекин заявил в свое оправдание: «Но если бы, товарищи, я выступил против этого, я бы не собрал ни одного казахского голоса» [VI Всеказахская конференция ВКП(б), 1927, с. 262].

VI Всеказахская конференция ВКП(б) приняла линию союзного руководства на уравнивание всех национальностей в землеустройстве и признала необходимость классового подхода в отношении казахского аула. Под давлением сторонников «жесткой» линии VI Всеказахская конференция ВКП(б) осудила национал-коммунистов. Лидеры «национального уклона» Садвокасов, Мунбаев и Султанбеков были выведены из Бюро Казкрайкома и больше не могли блокировать решения Голощекина и апеллировать к союзным властям. Сам Голощекин после мощной поддержки Центра уже не колебался, строго проводя линию Сталина и его окружения.

Сопrotивление новому курсу после поражения «национал-уклонистов» в Казкрайкоме оказало среднее звено управленческого аппарата. Принятые решения были заблокированы республиканским Наркомземом и местными органами власти. Нарком земледелия Ж. Султанбеков назвал решения VI республиканской партконференции «колонизаторскими», подготовленными бывшими чиновниками дореволюционного переселенческого управления [Койгельдиев, 2009, с. 329]. Руководитель Сыр-Дарьинского губисполкома И. Мустамбаев объявил Голощекина диктатором, едино-

лично представляющим Казкрайком ВКП (б). Мустамбаев же заявил: «С Голощекиным коммунизм в Казахстане не построишь» [Койгельдиев, 2009, с. 338].

В мае 1928 г. ЦК ВКП(б) принял решение о проведении чистки партийного и советского аппарата в Казахстане. В результате чистки в аппарате окружных комитетов было снято с должностей 116 человек (19,5% от штата работников). Наиболее сильный удар был нанесен по республиканскому Наркомзему, где были выведены за штат до 28,5 % работников, что «положило конец националистической практике землеустройства» [Кучкин, 1962, с. 178–179]. Постоянной травле подвергались изгнанные из краевого руководства члены «садвокасовской группировки», обвиняемые в троцкизме. Фактический разгром национальной оппозиции открыл путь для радикального социалистического переустройства казахского общества. Отныне «национал-уклонисты» стали удобной мишенью для критики, а обвинения в «садвокасовщине», «ходжановщине» или «рыскуловщине» – удобным предлогом для расправы с конкурентами.

Вопросы оседания были тесно связаны с проблемой начала нового аграрного переселения. Еще в период разработки планов первой пятилетки Всесоюзный переселенческий комитет разрабатывал планы организации крестьянского переселения из европейской части в восточные районы страны. А 11–14 сентября 1927 г. в Москве на совещании плановых работников по вопросу о перспективах развития страны переселение крестьян рассматривалось как средство решить проблему аграрного перенаселения и малоземелья в центре страны и увеличить производительные силы в районах приема переселенцев [Абдразаков, 1975, с. 154].

По инициативе Всесоюзного переселенческого комитета было начато обследование северных районов республики. Союзный орган стремился найти экономическое обоснование для нового крестьянского переселения в край. Экспедиция переселенческого комитета пришла к выводу о возможности ведения зернового хозяйства на 25 млн. гектар и заключила: «... ознакомление с внехозяйственными экономическими условиями на обследуемой территории показало, что, несмотря на значительные различия этих условий, [они] ни в одном из районов к занятию товарным земледелием препятствием служить не могут» [Состояние сельского хозяйства..., 1930, с. 32].

Чиновники Всесоюзного переселенческого комитета, направляя экспедицию, учитывали изменившуюся после решений союзного руководства политическую конъюнктуру вокруг вопроса о начале переселения. Они, опираясь на подобранный в определенном ключе статистический материал, предложили пятилетний план аграрного переселения. В течение первой пятилетки планировалось переселить 500 тыс. человек, примерно более 90–95 тыс. хозяйств: в первый год – 14,5 тыс. хозяйств, во второй – 18,2 тыс., в третий – 25,4 тыс., в четвертый – 32,8 тыс. Масштабы грядущего переселения определялись в 300 тыс. хозяйств, или с учетом размеров крестьянских семей в 1,2–1,5 млн человек [Состояние сельского хозяйства..., 1930, с. 146; Абдразаков, 1975, с. 155]. Для размещения переселенцев требовались значительные земельные площади, занятые кочевниками. В результате оседания 380 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств должно было высвободиться 60–70 млн гектаров земли, предназначавшихся для колхозов и совхозов. Под переселенческий фонд в республике планировалось выделить 9 млн гектаров земли [Каминский, 1930, с. 9]. Этот фонд давал потенциальную возможность переселения до 700 тыс. хозяйств. Всего же в годы первой пятилетки на восток должно было быть отправлено около 2154 тыс. человек [Абдразаков, 1975, с. 155]. Первоначально планировалось разместить в республике 65 тыс. переселенческих хозяйств, которые «помогут бедняцко-средняцкой массе казахского населения, переходящей на оседлость, быстрее усвоить навыки культурного земледелия» [Каминский, 1930, с. 11]. Советские плановики считали, что в результате перехода на оседлость значительно возрастет товарность земли. Приводились следующие экономические доводы: при кочевом хозяйствовании гектар земли давал доход в 9 руб. 30 коп., при организации земледелия – 26 руб. 27 коп. [Башиев, 1961, с. 194].

С началом седентеризации кочевого аула начинается новый этап переселенческого движения. 18 января 1928 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О задачах переселения, его организации, основах составления планов переселения и о порядке финансирования переселенческих мероприятий», положившее начало новому этапу переселения из центра страны в Казахстан и другие регионы страны. В январе 1929 г. Совет Труда и Оборона СССР постановил начать переселение в Казахскую АССР.

Краевое руководство поддержало инициативу союзных властей. 13 февраля 1929 г. Бюро Казкрайкома ВКП(б) постановило принять к сведению директиву центрального органа власти и

создать районное переселенческое управление в республике для выявления свободных земельных фондов и подготовки их к заселению. Краевое руководство объявило о возможности принять до 10 тыс. переселенческих хозяйств в 1929 г. [РГАСПИ. Ф. 17, оп. 25, ед.хр. 29, л. 86]. Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 26 марта 1929 г. было учреждено Переселенческое управление при Наркомземе Казахской АССР, подчиненное напрямую в административно-финансовой части Наркомзему РСФСР. В апреле 1929 г. на VII съезде Советов Казахской АССР был поставлен вопрос об одобрении открытия внутренних границ республики для массового аграрного переселения. На декабрьском Пленуме Казкрайкома ВКП(б) 1929 г. было принято решение о начале аграрного переселения из центра страны. На партийном форуме было одобрено выделение 90 тыс. земельных долей для переселенцев и увеличение их к концу пятилетки до 500 тыс. [РГАСПИ. Ф. 17, оп. 25, ед.хр. 27, л. 17-18]. Голощекин и его окружение злорадно заявили, что эта акция встретит уже бессильное сопротивление националистов типа Садвокасова и Ходжанова.

Решение переселенческого вопроса в Казахстане в 1920-е гг. зависело от национальной политики Советского государства. В первой половине 1920-х гг. республика была закрыта для переселения из соседних республик, часть «самовольных» переселенцев из-за отказа в землеустройстве была вынуждена покинуть республику. Во второй половине 1920-х гг. острота аграрного переселения в европейской части страны и необходимость ускоренной модернизации потребовали внесения корректив в национальную и переселенческую политику.

Руководство Казкрайкома во главе с Ф.И. Голощекиным под давлением Сталина во второй половине 1920-х гг. стало проводить этнически нейтральную национальную политику, равноудаленную от защиты интересов казахов и русских. Препятствовавшие началу переселения национал-коммунисты были разгромлены, краевое руководство взяло курс на равенство в вопросах землеустройства и открыло республику для переселенцев. Этническая нейтральность внутривластного курса возобладала в период перехода к форсированной модернизации советского общества, предполагавшей коренную ломку традиционных социальных структур и культурного порядка аграрных обществ. Анализ сталинской социальной стратегии позволяет говорить об отсутствии альтернатив реализованному варианту. Сталин не мог допустить существования национальных преференций и продолжения межэтнических конфликтов в сфере землеустройства, запретов местных властей на переселения из аграрно-перенаселенных районов страны. Все этнические группы в ней становились равными перед необходимостью социалистической модернизации, а защитники «старин» и национальных преференций политическими противниками творцов «большого скачка». С этого времени центральное руководство страны в проведении переселенческой политики в Казахстане исходило из общесоюзных интересов. Не случайно аграрное переселение в Казахстан вплоть до начала целинной эпопеи носило в основном принудительный характер. Казахстан оказался открыт не только для добровольного переселения крестьян, но и для массовых депортаций отдельных социальных групп, попавших под подозрение (например кулаков), и целых народов.

Библиографический список

VI Всеказацкая конференция ВКП(б). 15–23 ноября 1927 г.: Стеногр. отчет. Кзыл-Орда, 1927. 387 с.

Абдразаков Т.А. Закономерности построения социалистической экономики в национальных районах СССР: На материалах Казахской ССР. Алма-Ата, 1975. 272 с.

Алексеев Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата, 1981. 109 с.

Алексеев Н.В., Алексеев А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999. 158 с.

Башиев С.Б. Победа социализма в Казахстане: очерки по теории и истории вопроса. Алма-Ата, 1961. 326 с.

Губогло М.Н. Страсти по доверию: Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М., 2014. 214 с.

Дахилейгер Г.Ф., Нурпеисов К.И. История крестьянства советского Казахстана. Алма-Ата, 1985. Т.1. 247 с.

Джандосов У. Документы и публицистика (1918–1937 гг.): в 2 т. Алматы, 1999. Т.1. 400 с.

Каминский К.П. Пятилетний план развития и реконструкции сельского хозяйства Казахстана. Ал-

ма-Ата, 1930. 18 с.

Койгельдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х гг. Алматы, 2009. 448 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. 446 с.

Кучкин А.П. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.). М., 1962. 432 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. 855 с.

Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007. 296 с.

Образование Казахской АССР: сборник документов и материалов / под ред. С.Н. Покровского. Алма-Ата, 1957. 366 с.

Садвокасов С. О национальности и националах // Большевик. 1928. № 1. С. 56–64.

Сборник важнейших решений Казкрайкома ВКП(б), принятых за период V-VI Всеказахских конференций. Кзыл-Орда, 1927.

Смит Дж. Оценка советской национальной политики: к построению количественной модели // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей под ред. И. Герасимова и др. Казань, 2004. С. 353–374.

Состояние сельского хозяйства Казахской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения (по материалам обследования Казахской АССР экспедицией ВПК ЦИК СССР за 1928 год). М., 1930. 192 с.

Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период, 1921–1925 гг.: сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1962. 592 с.

Сыдыков Е.Б. Российско-казахстанские отношения на этапе становления тоталитарной системы. Алматы, 1998. 272 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. 750 с.

Ямзин И.Л., Воццинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. 332 с.

Laue Th. von. Russian labor between field and factory 1892–1903 // California Slavic Studies. 1964. Vol. 3. P. 33–65.

Olcott M. B. The Kazakhs. Stanford, Calif, 1995. 388 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 22.07.2014

RESETTLEMENT QUESTION IN THE SOVIET NATIONAL POLITICS IN KAZAKHSTAN IN THE 1920s

S. Sh. Kaziev

North Kazakhstan State University named after M. Kozybaev, Pushkin str., 86, 150000, Petropavlovsk, Kazakhstan
sattarkaz@mail.ru

The resettlement aspect of the Soviet national politics in Kazakhstan in the 1920s is under investigation in the essay. The resettlement issue was closely related to the solution of the national question in Kazakhstan which assumed factual and legal equality of nations, as the Bolsheviks tried to get the trust of national minorities. In Kazakhstan, the main knot of contradictions was associated with land administration and the alienation of land from the Kazakh population to the resettled peasants. To control those problems, it was necessary to develop new approaches to the problems of resettlement. In the first half of the 1920s, maximum concessions to national minorities were made, and Kazakhstan was closed to migrants. In practice, that politics led to a new round of inter-ethnic tensions and undermined the confidence in the Soviet state by the migrants. The national communists were the main opponents of the resumption of resettlement to Kazakhstan because they feared the withdrawal of ethnic composition of the population. In the second half of the 1920s, the previous national politics was revised by becoming “ethnically neutral” and prompting protests of the national communists. As a result of cleansing the administrative apparatus and the defeat of the national opposition in the late 1920s, Kazakhstan was reopened for resettlement, including the forcible deportation of kulaks and “punished” peoples.

Key words: resettlement politics, peasants, the Kazakhs, National Communism, national deviationism.

References

- Laue Th. von. Russian labor between field and factory 1892-1903. *California Slavic Studies*. Vol. 3. - Berkeley; London: University of California Press, 1964. - P. 33-65.
- Olcott M. B. The Kazakhs. Stanford, Calif: Hoover Institution Press, 1995. 388 p.
- VI Vsekazakskaya konferentsiya VKP(b). 15-23 noyabrya 1927 g. Stenograficheskiy otchet. Kzyl-Orda: Kazkraykom VKP(b), 1927. 387 s.
- Abdrzakov T.A. Zakonomernosti postroyeniya sotsialisticheskoy ekonomiki v natsional'nykh rayonakh SSSR: Na materialakh Kazakhskoy SSR. Alma-Ata: Nauka, 1975. 272 s.
- Alekseyenko N.V. Naseleniye dorevol'yutsionnogo Kazakhstana (chislennost', razmeshcheniye, sostav, 1870-1914 gg.). Alma-Ata: Izd-vo AN Kazakhskoy SSR, 1981. 109 s.
- Alekseyenko N.V., Alekseyenko A.N. Naseleniye Kazakhstana za 100 let (1897-1997 gg.). Ust'-Kamenogorsk: VGTU, 1999. 158 s.
- Baishev S.B. Pobeda sotsializma v Kazakhstane: ocherki po teorii i istorii voprosa. Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii Nauk Kazakhskoy SSR, 1961. 326 s.
- Dakhshleyger G.F., Nurpeisov K.I. Istoriya krest'yanstva sovetskogo Kazakhstana. Alma-Ata: Nauka, 1985. T.1. 247 s.
- Dzhandosov U. Dokumenty i publitsistika (1918-1937 gg.): V 2-kh tt. T.1. Almaty: Izdat.dom «Kazakhstan», 1999. 400 s.
- Guboglo M.N. Strasti po doveriyu. Opyt etnopoliticheskogo issledovaniya referendum v Gagauzii. M., 2014. 214 s.
- Kaminskiy K.P. Pyatiletniy plan razvitiya i rekonstruktsii sel'skogo khozyaystva Kazakstana. Alma-Ata: Gosplan Kazakstana, 1930. 18 s.
- Koygel'diyev M.K. Stalinizm i repressii v Kazakhstane 1920-1940-kh gg. Almaty: Iskander, 2009. 448 s.
- Kuchkin A.P. Sovetizatsiya kazakhskogo ayla (1926-1929 gg.). M., 1962. 432 s.
- Martin T. Imperiya «polozhitel'noy deyatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923-1939. M., 2011. 855 s.
- Masanov N.E., Abylkhozhin Zh.B., Yerofeyeva I.V. Nauchnoye znaniye i mifotvorchestvo v sovremennoy istoriografii Kazakhstana. Almaty, 2007. 296 s.
- Obrazovaniye Kazakhskoy ASSR: sbornik dokumentov i materialov. Pod red. S.N. Pokrovskogo. Alma-Ata, 1957. 366 s.
- Sadvokasov S. O natsional'nosti i natsionalakh. *Bol'shevik*, 1928. № 1. S. 56-64.
- Sbornik vazhneyshikh resheniy Kazkraykoma VKP(b), prinyatykh za period V-VI Vsekazakhskikh konferentsiy. Kzyl-Orda, 1927.
- Smit Dzh. Otsenka sovetskoy natsional'noy politiki: k postroyeniyu kolichestvenno modeli. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva*. Sb. statey pod red. I. Gerasimova i dr. Kazan': Tsentr issledovaniya natsionalizma i imperii, 2004. S. 353-374.
- Sostoyaniye sel'skogo khozyaystva Kazakskoy ASSR, puti yego reorganizatsii i perspektivy pereseleniya (po materialam obsledovaniya Kazakskoy ASSR ekspeditsiyey VPK TSIK SSSR za 1928 god). M., 1930. 192 s.
- Sotsialisticheskoye stroitel'stvo v Kazakhstane v vosstanovitel'nyy period, 1921-1925 gg: sbornik dokumentov i materialov. Alma-Ata, 1962. 592 s.
- Sydykov Ye.B. Rossiysko-kazakhstanskiye otnosheniya na etape stanovleniya totalitarnoy sistemy. Almaty, 1998. 272 s.
- Yadrintsev N.M. Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii. SPb., 1892. 750 s.
- Yamzin I.L. Voshchinin V.P. Ucheniye o kolonizatsii i pereseleniyakh. M.-L., 1926. 332 s.